

«Период Николая I идеологически очень перекликается с нашим днём. Знаменитая триада, выдвинутая министром просвещения Уваровым: православие, самодержавие, народность. «Народность наша есть полное и абсолютное подчинение самодержавию», — говорил сам Уваров. Ещё он говорил: «У каждой политической религии есть свои догматы. Один из наших главных догматов — крепостное право. Оно дано нам навеки, отменить его невозможно, да и не к чему». Крепостное право — предмет гордости, духовная скрепа! Рабством гордились! Та идеология стала результатом серьёзных завоеваний России, присоединения огромных территорий, которые заставляли государственных лидеров укреплять вертикаль власти. Свободы при Николае Павловиче не являлись предметом обсуждения, кроме как у декабристов, русской аристократии. Не были никакой целью, если говорить о царской власти. Европу презирали, Европу боялись, потому что там произошла Французская революция, повторения которой в России очень боялись. Абсолютно того же самого российские власти боятся сейчас. Запад — это чужое, то, что несёт революцию, демократию, слово «либерализм» при Николае I стало ругательным».

«КРЕПОСТНОЕ ПРАВО —
ПРЕДМЕТ ГОРДОСТИ,
ДУХОВНАЯ СКРЕПА!
РАБСТВОМ
ГОРДИЛИСЬ!»

«СТЕРПЕТЬ УДАР
ПО ЛИЦУ РУССКИЙ
ДВОРЯНИН НЕ МОГ.
ЕСЛИ СТЕРПЕЛ
УДАР И НЕ
ОТВЕТИЛ —
ЗАСТРЕЛИСЬ»

«Свободы были, но они были у дворян и носили личный, индивидуальный характер. По отношению к царю дворяне не были свободны. Так, Павел I говорил: «Влиятелен тот, кто со мной разговаривает, и только до тех пор, пока он со мной разговаривает». Известный случай описал Герцен в «Былом и думах», когда однажды будущему императору Николаю I, а тогда гвардейскому полковнику, своими действиями на смотре не понравился один из офицеров. Будучи человеком горячим, Николай Павлович подбежал к тому дворянину и замахнулся рукой для пощёчины. Дальше Герцен описал сцену так: этот офицер, стоя по стойке смирно сказал: «Ваше императорское высочество, у меня шпага есть!» Николай I опустил руку. Стерпеть удар по лицу русский дворянин не мог. Если стерпел удар и не ответил — застрелись. После восстания декабристов Николай велел найти связь того офицера с декабристами, не нашёл и вынужден был оставить его в покое. Это уже, к слову, об административном ресурсе».

«В XX веке ситуация несколько изменилась, но в чём-то осталась прежней. Одно изменилось точно — нет сословия, которое, как тот русский дворянин, так бы ценило личную свободу. Выведено это сословие: дворяне погибли, интеллигенция погибла, духовенство погибло. Всё, что мы имеем, всё новое. В огромном своём большинстве мы дети рабочих и крестьян, людей, которые до второй половины XIX века фактически находились в рабском состоянии. Один из высших сановников государства, доктор юридических наук, судья Зорькин похвалил недавно крепостное право, сказав, что оно было одной из государственных скреп. У нас в ментальности нет традиции свободы. Но есть другие традиции, например, традиция противопоставления Западу, противостояния Западу. А что такое Запад как цивилизация? Её основная ценность — примат личности над государством. Прошу прощения, но то же самое написано

в Конституции РФ, откройте статью вторую. Но реально у нас не так: государство на первом месте. Второй фактор — отношение к частной собственности. В Декларации независимости США написано: жизнь, свобода и стремление к счастью — неотъемлемые права человека. Под свободой имеется в виду ещё и свобода собственности. Начиная с XVIII века собственность была неприкосновенна так же, как жизнь и честь. Отнять собственность — это такое же преступление, как убить человека или совершить насилие над женщиной. Но это в системе ценностей западной цивилизации, у нас этого нет. В представлении подавляющей части наших сограждан любой богатый человек — это вор. Поэтому отнять у него — дело святое. Рекомендую «Собачье сердце» Михаила Булгакова, там всё написано: «Отнять и разделить». Если сейчас вбросить лозунг «Отнять и разделить», примерно 85% наших сограждан будут «за».